

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

МАРТЪ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХІV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Марининскихъ мостами, д. №

1881.

славянскаго вождя противъ Аваровъ. Показанія Фредегара, единственнаго источника свѣдѣній объ этомъ первомъ славянскомъ государствѣ, весьма сбивчивы и неясны ¹⁾. Затѣмъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя представлять себѣ дѣло такимъ образомъ, что Авары потеряли свою мощь вдругъ, въ нѣсколько лѣтъ. Известно, что еще и въ VIII в., они представляли довольно значительную силу и доставляли не мало хлопотъ сосѣднимъ Славянамъ и Нѣмцамъ ²⁾. Наконецъ, допустимъ, что въ это время Авары уже терѣли неудачи отъ Славянъ въ Паннони, но развѣ эти самыя неудачи не могли привести ихъ къ мысли вознаградить себя легкимъ успѣхомъ на югѣ?

Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія внутренней критики извѣстіе Константина вполне сохраняетъ свою силу. Нѣсколько разъ засвидѣтельствованное имъ завоеваніе Далмаціи Аварами въ царствованіе императора Ираклія, незадолго до переселенія Сербовъ и Хорватовъ, приходится признать за событіе достовѣрное, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть занесено на страницы исторіи.

Т. Флоринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Grammatyka historyczno-porównawcza języka polskiego, przez d-ra Antoniego Mateckiego. Lwów. 1879.

За послѣдніе годы литература славянской филологіи обогатилась нѣсколькими трудами, появившимися вторымъ или третьимъ изданіемъ въ значительно расширенномъ и исправленномъ видѣ. Маленькая книжка Миклошича: *Altslawische Lautlehre*, появившаяся въ Вѣнѣ въ 1850 году, годъ тому назадъ вышла третьимъ изданіемъ, въ которомъ отъ перваго сохранилось чуть ли не одно только заглавіе. Вопросы этимологическіе, сравнительный и историческій элементы получили въ ней очень широкое мѣсто; указано гораздо больше источниковъ и обработана масса деталей. То же можно сказать и о другомъ трудѣ почтеннаго филолога: *Vergleichende Lautlehre der Slawischen Sprachen*. Литература славянскихъ народностей также обогатилась вторымъ изданіемъ труда гг. Пынина и Спасовича, — расширеннаго цѣлымъ томомъ, и вторымъ изданіемъ Исторіи русской лите-

¹⁾ Ср. *Успенскій*, Первые славянскія монархіи на сѣверо-западѣ 1872., стр. 13.

²⁾ *Safarik*, *Slowanské starožitnosti*, II, p. 693. Изд. 1837.

ратуры г. Галахова, первый томъ которой заново обработанъ такими специалистами въ извѣстныхъ литературныхъ вопросахъ, какъ гг. Миллеръ, Веселовскій и Киричниковъ. Въ прошломъ же году появилось и то сочиненіе, которому мы посвящаемъ настоящую замѣтку. Это тоже второе изданіе книги Львовскаго профессора Малецкаго, вышедшей въ 1863 году. Въ видѣ учебника она и до сихъ поръ попадаетъ въ сокращенномъ видѣ.

Грамматика г. Малецкаго въ настоящемъ своемъ видѣ расширена, во первыхъ, по объему — вмѣсто одного тома два, и оба объемистѣ первоначальнаго; во вторыхъ, по цѣли: авторъ называетъ свою книгу не просто грамматикой, а историко-сравнительной грамматикой польскаго языка; и наконецъ, втретьихъ, по матерьяламъ: ибо у автора встрѣчаются ссылки на историческіе памятники, новыя сочиненія гг. Водуэна-де-Куртена и Малиновскаго, а изрѣдка и указанія на труды Шлейхера по сравнительному языковеденію. Расширена, измѣнена, дополнена въ особенности два отдѣла: фонетика и этимологія. На этихъ-то отдѣлахъ мы и намѣрены остановить вниманіе читателя, предувѣдомляя, что нашею цѣлью служить не слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ системы автора, не оцѣнивать его достоинства и недостатки, а только указать на характеристическія черты ученыхъ приемовъ автора и его отношеніе къ западно-европейской наукѣ о языкѣ.

Въ предисловіи г. Малецкій ограничиваетъ понятіе сравнительной грамматики въ приложеніи къ своему труду. По его словамъ, сравнительный элементъ служилъ ему лишь нѣкоторымъ подспорьемъ для возстановленія проплага польской рѣчи, памятники которой не восходятъ далѣе XIV вѣка. Но такъ какъ, возстановляя это прошлое, поневолѣ приходится имѣть дѣло съ вопросами историческими и сравнительными, то г. Малецкій и заявляетъ, что онъ очень рѣзко расходится съ установившимися въ языковеденіи взглядами и долженъ построить свой трудъ на положеніяхъ, которыя, конечно, не вызовутъ похвалы со стороны лицъ, „задающихъ тонъ въ наукѣ“. Далѣе онъ говоритъ, что тяжелымъ трудомъ дошелъ до своихъ положеній, и указываетъ, что исходною точкою его воззрѣній служить признаніе необходимости расширить генетическій элементъ на мѣсто „господствующаго сравнительнаго догматизма“; затѣмъ авторъ указываетъ на ту особенную роль, которую, далеко не вполне справедливо, играетъ санскритъ въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ,

и наконецъ—выражаетъ надежду, что его принципамъ принадлежить будущее.

Остановимся прежде всего на выраженіи: „господствующій сравнительный догматизмъ“. Сопоставленіе понятій „сравнительный“ и „догматизмъ“ кажется намъ нѣсколько страннымъ. Слово догматизмъ опредѣляетъ собою нѣчто неподвижно, твердо установленное, законченное, а сравненіе, въ свою очередь, при накопленіи фактовъ, самымъ естественнымъ образомъ мѣняетъ и результаты: это путь теорій и взглядовъ, часто смѣняющихся другъ друга.

Сравнительный методъ—одинъ изъ самыхъ широкихъ и важныхъ научныхъ методовъ: не только лингвистикѣ, которую онъ создалъ, но и міеологіи, какъ наукѣ, этнографіи и этнологіи, доисторической археологіи и даже психологіи онъ сослужилъ уже большую службу. Странно было бы говорить о научныхъ законныхъ основаніяхъ метода, который далъ уже такіе блестящіе результаты, доставляя возможность не только ставить въ живую органическую связь явленія, раздѣленные временемъ и пространствомъ, но и комбинировать данныя, выработавшіяся на почвѣ различныхъ научныхъ дисциплинъ. Обращаясь къ частной области лингвистики, или еще спеціальнѣе этимологіи, мы находимъ тамъ полное отсутствіе догмы. Кому неизвѣстны вошедшія чуть не въ пословицу разворѣчія этимологовъ?

Двѣ совершенно противоположныя теоріи, комбинируя свои данныя, путемъ сравнительнаго метода находятъ зачастую себѣ мѣсто рядомъ въ лѣтописяхъ этимологіи: одна, напримѣръ, теорія приводитъ весь запасъ словъ въ индо-европейскихъ языкахъ къ нѣкоторому числу корней съ формальнымъ, указательнымъ характеромъ, а другая производятъ этотъ же запасъ отъ междоветныхъ звуковъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ лингвистовъ на почвѣ индо-европейскихъ языковъ — покойный Шлейхеръ, въ 1865 году, въ блестящую пору своей дѣятельности, пишетъ объ этимологіи, какъ о дѣлѣ въ высшей степени шаткомъ и не опредѣлявшемся, а Шлейхеръ, между тѣмъ, при громадной эрудиціи, отличался еще примѣрною осторожностью сближеній. Не выходя изъ области фонетики, можемъ указать на знаменитаго автора *Phonologia comparata* и *Studj Critici* — Асколи, чловѣка, котораго, подобно Шлейхеру, можно смѣло назвать „задающимъ тонъ въ наукѣ“, и у котораго г. Малецкій едва ли найдетъ хоть какой-нибудь слѣдъ догматизма. Вообще едва ли правъ нашъ авторъ, находя въ наукѣ господство сравнительнаго догматизма и

славая въ архивъ всѣ труды новаго языковѣдѣнія, наравнѣ съ нѣкоторыми попытками слабо-одаренныхъ приверженцевъ Боппа.

Едва ли справедливъ онъ, и закрывая глаза на эти серьезные труды и не удостоивая ихъ разбора, такъ какъ, кромѣ сравнительнаго элемента, въ нихъ есть и другая твердая научная основа—физиологическое основаніе фонетики. Не можемъ не указать на особенную твердость этого основанія въ трудахъ уже упомянутаго Асколя, а у насъ—въ трудахъ г. Водуэна-де-Куртена.

Вообще, не смотря на всю молодость науки о языкѣ, нельзя не сѣдаться съ тою постановкой и съ тѣми рѣшеніемъ ея вопросовъ, которыя существуютъ въ трудахъ современныхъ лингвистовъ, и слѣдуетъ помнить, что всякое новое мнѣніе, въ особенности радикально расходящееся съ остальными и стремящееся сдѣлаться руководящимъ, должно являться съ прецедентомъ обширной и точной критики. Смѣшно прикрываться равнодушіемъ къ неодобренію и позволять себѣ такимъ образомъ, не установивъ никакого научнаго критерія, строить одну теорію за другой. А именно такъ, какъ увидимъ ниже, и поступаетъ г. Малецкій. Странно говорить и о томъ, что тяжелый долготѣннй трудъ привелъ автора къ его положеніямъ. Развѣ не ничтоженъ этотъ трудъ, сравнительно съ тѣми трудами гегелевъ и цѣлыхъ поколѣній, которые привели науку къ ея теперешнимъ выводамъ? И развѣ большой, зрѣлый трудъ долженъ допускать больше ошибокъ и нелогичностей, чѣмъ недолгіи?

Положительной стороны своихъ воззрѣній авторъ не выясняетъ, предлагая, конечно, читателю самому вывести свойства этихъ воззрѣній изъ приложенія ихъ къ предмету изслѣдованія. Къ сожалѣнію однако, надо замѣтить, что не всѣ рѣшенія автора, высказанныя имъ въ предисловіи и введеніи, приводятся имъ въ исполненіе: рѣшившись, напримѣръ, пользоваться сравнительнымъ элементомъ лишь для возстановленія польской рѣчи до XIV вѣка, онъ черезъ нѣсколько сотъ страницъ уходитъ въ такіа дебри, гдѣ кончается область не только польской, но и вообще человѣческой рѣчи. Объ этомъ, впрочемъ, будемъ говорить ниже, а теперь перейдемъ къ частнымъ замѣчаніямъ о фонетикѣ.

Относительно гласныхъ звуковъ г. Малецкій принимаетъ нѣсколько дѣленій, и между прочимъ, дѣленіе на твердые и мягкіе. Намъ кажется, что это дѣленіе не можетъ быть принято, какъ не имѣющее физиологическаго основанія, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ, по виду, не чуждъ критерія физиологій. Измѣняются гласные звуки,

какъ извѣстно, тоже не отвердѣвая или смягчаясь, а ослабѣвая или поднимаясь.

Далѣе на стр. 14 находимъ довольно произвольное производство *mie* и *cie* отъ *miu* и *ciu*: ни аналогическихъ явленій того же языка, ни сравненій въ области другихъ языковъ авторъ не даетъ.

Но самую характерною чертой въ фонетикѣ у г. Малецкаго является предположеніе о двоякомъ звукѣ *i*: слогообразовательномъ и дифтонговомъ, то-есть, входящемъ въ составъ дифтонга. По мнѣнію г. Малецкаго, первоначально въ польскомъ языкѣ были слѣдующіе дифтонги:

ai, oi, ei — *ia*
au, ou, eu — *ua*
ui, yi — *iu*

Первые два ряда дифтонговъ перешли вполнѣ въ

aj, oj, oj — *ja*
aw, ow, ew — *wa*.

Противъ этого перехода ничего нельзя замѣтить, но нѣтъ физиологическаго основанія считать *ia* и *ua* за дифтонги наравнѣ съ прочими. Это дифтонги только по виду *Unächte Diphthongen*. Затѣмъ, мѣстомъ этихъ звукоочетаній едва ли можно считать славянскіе языки; ужъ скорѣе искать ихъ въ языкахъ италійскихъ (въ особенности въ романской вѣтви). По мнѣнію автора, двугласные звуки вообще происходятъ или механическимъ путемъ при встрѣчѣ двухъ гласныхъ, или динамическимъ путемъ, то-есть, гуной одиночной гласной. Съ научными терминами вообще слѣдуетъ обращаться осторожнѣе, а автору, конечно извѣстно, что гуной принято называть повышеніе гласнаго при присоединеніи къ нему спереди звука *a*; отъ корня *div* происходятъ *deva* (*da + iva*) и *dāiva* (*Vrddhis*), но не *diava* и не *diāva*; отъ корня *vid veda* (*va — ida*) и *vāida*, а не *viada* и не *viāda*.

Звукъ *é*, по мнѣнію г. Малецкаго, выработался изъ *ai* и *ia*; первое можетъ быть подтверждено доказательствами, а второе приводится авторомъ почти догматично. Впрочемъ, сочетаніе *ia* у г. Малецкаго вообще имѣетъ загадочный характеръ. На стр. 28 авторъ говоритъ, что *ia* выговаривается какъ нѣчто среднее между *ja* и *ija*. Мы же привыкли до сихъ поръ думать, что двугласные звуки, подобно гласнымъ, образуются при совершенно не прегражденномъ про-

тожденія воздуха изъ легкихъ черезъ голосовую трубу и не содержать въ себѣ никакого признака небнаго согласнаго элемента.

На стр. 60 и слѣдующихъ г. Малецкій говоритъ о придыханіи и средствахъ избѣжанія hiatus'a. Непонятно, зачѣмъ онъ раздѣляетъ эти два явленія, совершенно аналогичныя. И здѣсь, какъ далѣе въ отдѣлѣ о согласныхъ и въ главахъ объ этимологіи, мы встрѣчаемся съ многословностью терминологіи автора.

Понятіе о согласной, вставляющейся для избѣжанія hiatus'a, у г. Малецкаго нѣсколько смѣшанное. Напримѣръ, на стр. 28 онъ видитъ въ словахъ *jadę, dojadę, zjadę* въ *ja* трансформированную двугласную *ia*, а далѣе на страницѣ 80 находитъ въ словѣ *jadę*—*j* есть придыханіе.

На стр. 83 г. Малецкій говоритъ, что *j* является для избѣжанія hiatus'a въ словахъ *zawie—j—a, nadzie—j—a, pi—j—anu*, а на стр. 40 у него является, что *rokolenia* (*ia*—двугласн.) и *przycazanania* сократилось изъ *przycazanania* и *rokolenia*, какъ *łodzia* и *śędzia* изъ *łodzia* и *śędzia*. Отчего же *pi—j—anu* не обратилось такимъ образомъ въ *pianu*? Вообще авторъ въ своей теоріи находится, кажется, подъ влияніемъ отечественной орфографіи. Странно было бы предполагать, въ самомъ дѣлѣ, чтобы, напримѣръ, слово *łodzia* проходило такія градаціи: изъ $\sqrt{\text{łodzi}}$ —а слѣдалось *łodzija*, затѣмъ опять $\sqrt{\text{łodz}}$ —*ia* и, наконецъ, *łodzia*. Ради чего же языкъ возвращался бы къ тому, съ чего началъ?

Съ теоріей Шлейхеровой *j* г. Малецкій поканчиваетъ на полстрапичкѣ, объявляя ее невозможною и говоря, что *j* ничего смягчить и никакой гласной измѣнить не можетъ; но вѣдь самъ же г. Малецкій незадолго передъ тѣмъ говорилъ, что *ia* есть нѣчто среднее между *ja* и *ija*.

Переходъ звука *i* въ *é* (*ѣ*) въ словѣ *gnędo* изъ $\sqrt{\text{gnęid}}$ авторъ объясняетъ такимъ образомъ: *i* перешло въ *ia* (двугл.); *ia* въ *ea*; *ea* въ *é*. На это можно замѣтъ слѣдующее: 1) Произношеніе церковно-славянскаго звука *ѣ*—не можетъ считаться установленнымъ. 2) Не доказано, что польская форма на *ia* (*я—ia*) древнѣе церковно-славянской. 3) Переходъ *ia* въ *ea* и еще далѣе въ какое-то непонятное *é* совершенно неясенъ и произволенъ, такъ какъ не имѣетъ ни причѣровъ, ни физиологическаго основанія; а самый звукъ *é* не имѣетъ определенной фізіономіи.

Относительно согласныхъ отмѣтимъ нѣкоторую странность дѣленія. Къ небнымъ звукамъ (*podniebiennie*) причисляются *k, g, j, a, sz,*

ż, dź, sz названы зубными свистящими (вѣроятно—за неизмѣнимъ особаго слова для выраженія понятія шипящій), грубыми (grube—противуположность *ostre*). Грубость или жесткость—понятія совершенно неумѣстныя при физиологическомъ дѣленіи звуковъ. Свиста, разумѣется, въ *ж*, *ч*, *ш* тоже вовсе нѣтъ. Затѣмъ намъ непонятно, какъ можно раздѣлять звуки *ж* и *ј* на двѣ разныя категоріи: они по существу одного характера и артикулируются въ одномъ мѣстѣ полости рта. Звукъ *р* и звукъ *л* авторъ считаетъ плавными, между тѣмъ какъ эти звуки производятся прерывистою струею дрожащаго воздуха, сходящаго въ первомъ случаѣ въ концѣ языка, во второмъ—съ обѣихъ боковъ. А если сохранять классическое названіе *liquidae*, то сюда же надо присоединить и *m* и *n*, да и всю классификацію надо передѣлать по этой классической схемѣ.

На стр. 94 въ статьѣ о смягченіи согласныхъ встрѣчаемся съ тою же странностью въ предположеніи о дифтонгѣ *ia*. *Świeca* должно было, по мнѣнію автора, произойти изъ *świetia*, но нельзя же предполагать польской формы *świetija* или церковно-славянскаго свѣштина, а если такія формы и были, то какъ и откуда могли онѣ возникнуть?

Не будемъ останавливаться на тѣхъ мѣстахъ сочиненія, гдѣ авторъ прослѣживаетъ вліяніе проблематической двугласной *ia* на смягченіе предшествующей согласной въ санскритѣ и классическихъ языкахъ. Всѣ объясненія автора нисколько не сдѣлались новы отъ того, что онъ замѣнилъ *j* дифтонговымъ *i*; а въ первоначальномъ видѣ они извѣстны чуть ли не всякому гимназисту.

Напоследокъ о двугласной *ia* замѣтимъ, что антиподъ теоріи Малецкаго, предположеніе Гейгера о происхожденіи *i* изъ *ja* и *u* изъ *ua*, имѣетъ за себя больше фактовъ, которые можно найти даже на страницахъ *Compendium'a* Шлейхера (напримѣръ, въ 4-мъ изданіи, стр. 51).

Перейдемъ къ этимологіи. Перечисляя части слова, авторъ раздѣляетъ суффиксъ и окончаніе. Это совсѣмъ излишне. Понятіе окончанія, во первыхъ, вовсе не научно, и, начиная съ Боппа, лингвистами, на сколько намъ извѣстно, въ самостоятельную, функціонарующую часть слова окончаніе никогда не отдѣлялось. Авторъ нашъ полагаетъ, что функціей окончанія служитъ округлять слова—сообщать имъ значеніе имени существительнаго или прилагательнаго, того или другаго рода, лица, числа и падежа, времени или вида; суффиксъ же, наоборотъ, состоя, по большей части, изъ согласныхъ и являясь лишь въ серединѣ производныхъ словъ, придаетъ, по его мнѣнію, слову нѣкоторый постоян-

ный, неизмѣнный отгѣнокъ значенія, какъ, напримѣръ, въ словахъ: *staw, stary, stan, etatek, stado* и др. Мы предложили бы г. Малецкому отгѣлеть суффиксъ отъ окончанія въ древне-церковно-славянскихъ словахъ: *тоуждъ, гарославль*. Здѣсь производный звукъ удовлетворяетъ и требованіямъ суффикса, и требованіямъ окончанія: онъ служитъ пригѣтой прилагательнаго, и съ другой стороны, придаетъ слову нѣкоторый постоянный матеріальный отгѣнокъ.

Съ точки зрѣнія сравнительной грамматики трудно также е въ формѣ *bije* считать окончаніемъ; это звукъ, составившійся изъ окончанія глагольной основы и остатка личнаго мѣстоименія 1-го лица (древнѣйшій видъ *a—mi*). Въ словѣ *rapesczek* авторъ считаетъ окончаніями два *e*, стоящія въ серединѣ слова (?). Относительно корня авторъ говоритъ довольно много, но болѣе въ мелкомъ шрифтѣ. Онъ выкидываетъ собственно не корень, а коренную часть слова, всего ближе стоящую къ корню въ польскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ: далѣе слова *пѣть*, объясняющаго, что *paŋnik* значитъ идущій по дорогѣ, онъ не идетъ.

Впрочемъ, на стр. 335 мы находимъ сближенія даже съ санскритомъ: такъ *matka* производится отъ небывалаго санскритскаго корня *ma (mā?)* съ значеніемъ родить (?!), а слово *sup* производится отъ корня *su* плодить (собственно выжимать). Слово *wdowa* производится отъ *wi—dhava* (безъ мужа). Отъ скр. корня *ri* (в. идти) (авторъ переводитъ плыть) русское ринуть; польское *rój, zdrój, wugał*, даже *gzeka, źródło* (?). Происхождение слова *słowick* отъ *słu, człu* — отъ санскритскаго \sqrt{szru} , \sqrt{szru} (?)—*szru* поколеблено сомнѣніемъ въ существованіи суффикса *ѣкъ* (единственный случай) и болѣе удовлетворительнымъ объясненіемъ—сначала въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго, а затѣмъ въ Замѣткахъ г. Потемни.

Говоря о составѣ корней, г. Малецкій, къ нашему удивленію, относитъ къ мѣстоименнымъ корнямъ: *a, o, u, i, k, m, n, t, s*. До сихъ поръ мы думали, что каково бы ни было синтактическое значеніе корней, всѣ они по виду въ индо-европейскихъ языкахъ односложны и произносимы. Наука приводитъ ихъ къ слѣдующей схемѣ: 1) гласная, 2) гласная и согласная, 3) согласная и гласная, 4) гласная съ двумя согласными, 5) двѣ согласныя съ гласною, 6) согласная, гласная, двѣ согласныя, 7) двѣ согласныя, гласная и согласная, 8) двѣ согласныя, гласная и двѣ согласныя.

На стр. 339 въ примѣчаніи г. Малецкій говоритъ, что первонач-

чально въ индо-европейскихъ языкахъ (до ихъ раздѣленія еще) существовали корни, состоящіе изъ одной согласной. Напримѣръ, чтобъ уяснить себѣ родство литовскаго *akmen* и польскаго *kaмен*, авторъ предполагаетъ корень *k*, а отъ него уже *ak* и *ka*. При этой теоріи все объясняется съ желанною простотой. Корень *r* даетъ слова: *gataj, rab, robic, rapie, gola, radio, ogaś, ozeł*. Можно удивляться только воздержанности г. Малецкаго, не выписавшаго при этомъ всего польскаго словаря на *r*. Замѣчательно, однако, что ни въ одномъ изъ примѣровъ г. Малецкаго не видно, чтобы къ предполагаемой единственной согласной корня не присоединялась одна согласная, а непременно или спереди, или сзади прибавляется гласный звукъ.

Изъ частныхъ ошибочнымъ кажется намъ опредѣленіе, что въ славянскихъ языкахъ на концѣ слога кореннаго можетъ стоять только *a, e, i ъ, ѣ* или слогообразующіе *p* и *л*; а слова *дъ-нь, ма-ль, нача-ть*?

Говоря о значеніи корня, авторъ входитъ въ дѣльный рядъ еще менѣе научныхъ предположеній. Въ индо-европейской грамматикѣ вообще не было недостатка въ мнѣніяхъ, стремившихся въ элементахъ чисто формальнаго характера отыскать значеніе матеріальное. Отсылаемъ читателя за примѣрами къ почтеннымъ трудамъ Машеля Бреаля, явившимся въ видѣ примѣчаній и введеній къ переводу Сравнительной Грамматики Боппа. Тамъ можно найти перечисленіе ненаучныхъ попытокъ этимологизировать суффиксы со стороны Потта, Вильгельма Шерера и другихъ (см. введеніе къ переводу 4-го тома).

Нашъ авторъ поступаетъ еще ненаучнѣе. У него корни первоначально имѣли значеніе междометныхъ звуковъ. Напримѣръ, \sqrt{sta} (?) произошелъ отъ звуко сочетанія \sqrt{st} , которое будто бы вездѣ и всегда служило для выраженія чужой воли. И этимологія, и предполагаемая общность значенія, конечно, не могутъ быть приняты. Еще удивительнѣе этимологія \sqrt{dr} . Первоначально это звуко сочетаніе обозначало то состояніе, которое отражается на нашемъ слухѣ, когда около насъ что-нибудь съ шумомъ разрывается. То, что имѣетъ силу рвать другой предметъ, полно жизни и силы; отсюда *zdrow*. Затѣмъ отъ *dr* производится, въ силу подобныхъ же предположеній: *drzewo, trwaś, trwały, twardy, tur, durus, durare* и т. д. Не останавливаясь далѣе на этихъ полетахъ фантазіи, укажемъ на труды Макса Мюллера (особенно первыя чтенія его 2-й серіи лекцій въ

королевскомъ Британскомъ музеѣ) и Гейгера (1) Ursprung u. Entwickelung d. menschlich Sprache u. Vernunft и 2) Ursprung (d. Sprache), занесшіе рѣшительный ударъ системѣ ономатопозва.

На стр. 357 авторъ высказываетъ предположеніе объ окончаніяхъ *a, u, i*: по его мнѣнію, это — три мѣстоименные корни, изъ коихъ первый указывалъ первоначально на настоящее время и на предметъ присутствующій, *u* обозначалъ будущее, а *i*—прошедшее. Жаль, однако, что послѣдующіе примѣры ни мало не подтверждаютъ и даже не касаются этого предположенія, такъ что его придется считать возникшимъ изъ какой-то совсѣмъ ненаучной символики звуковъ. Изъ дальнѣйшаго это еще очевиднѣе: въ § 309 для означенія множественности указываются слѣдующія окончанія словъ: *aa, uu, ii, a, u* и затѣмъ говорится, что, мало по малу, эти окончанія сохранились только для названій понятій животнаго рода (м. и ж.); для не одушевленныхъ же являются новыя окончанія: *ai, ui, ii, i*. Далѣе слѣдуетъ такое разсужденіе: послѣднія окончанія слабѣе, а такъ какъ имена предметовъ не одушевленныхъ относятся къ предметамъ слабѣйшимъ, то этимъ именамъ очень естественно и присвоились слабѣйшія окончанія. Это уже чистая символика, и критикѣ трудно далѣе слѣдовать за авторомъ.

Напослѣдокъ замѣтимъ только, что авторъ, какъ-то упорно не любитъ установившихся этимологій. Напримѣръ, лингвисты, занимавшіеся разсмотрѣніемъ надежныхъ суффиксовъ, почти единогласно отъ Боппа до Грассмана полагаютъ, что суффиксъ именит. пад. ед. числа произошелъ отъ мѣстоименнаго корня *sa* (греч. *ὅ*), а г. Малецкій производитъ его отъ \sqrt{as} (*jestem—sum—asmi*), раздѣляя свое мнѣніе, кажется, съ однимъ Вильгельмомъ Шереромъ, котораго, впрочемъ, онъ не упоминаетъ.

Заключая наши замѣчанія о грамматикѣ г. Малецкаго, не можемъ не пожалѣть, что она не стоитъ на высотѣ научныхъ требованій, и что ея авторъ взялъ на себя задачу, которой и самъ онъ, кажется, не особенно сочувствуетъ, а именно—вмѣсто скромнаго излагателя установленныхъ явленій данной области, на сколько это доступно при изслѣдованіи памятниковъ польской старины, сдѣлался несовсѣмъ скромнымъ этимологомъ, фонологомъ и создателемъ лингвистическихъ теорій.

В. А.—ский.